

«ВОПРОС УСТАНОВЛЕНИЯ КОНЕЧНОГО БЕНЕФИЦИАРА СТАНОВИТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА»

С 2012 по 2018 год число юридических лиц, находящихся в процедурах банкротства, возросло на 41,5%, с 26 до почти 37 тыс. корреспондент ВГ Екатерина Данилова поговорила со старшим партнером юридической компании «ССП-КОНСАЛТ» Сергеем Приваловым о влиянии увеличения количества банкротных процедур на бизнес, привлечении к субсидиарной ответственности и ожидаемых законопроектах.

BUSINESS GUIDE: Число юрлиц, находящихся в процедурах банкротства, возросло за семь лет на 41,5%, с 25 855 до 36 596, с 2012 по 2018 год. Число компаний, признанных банкротами, выросло на 2,4% в первом квартале 2019 года по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. Тогда эксперты отмечали, что их количество приблизилось к естественному уровню, однако затем пошел новый рост такой процедуры. С чем, по вашему мнению, это связано?

СЕРГЕЙ ПРИВАЛОВ: Здесь стоит отталкиваться от двух причин: экономических и изменений в законодательстве. Изменения в экономике напрямую влияют на количество банкротств, однако стоит учитывать, что изменения не происходят сиюминутно. Рост числа банкротств в 2019 году может являться последствием изменений, произошедших в предыдущие несколько лет. Если говорить о законодательных причинах, то на ситуацию с банкротствами сильно повлияло ужесточение монетарной политики, контроля за свободно гуляющими денежными средствами — все это было направлено на борьбу с незаконным отмыванием денег и компаниями-однодневками. Если раньше компанию с долгами можно было переоформить в другой регион и никто из кредиторов даже не стал бы инициировать против нее процедуру банкротства, то сейчас перерегистрировать юрлицо с долгами практически невозможно. Также появились дополнительные мотивы для возбуждения дел о банкротстве, в том числе возможность привлечения конечного бенефициара к ответственности. Иными словами, в оборот банкротных процедур вовлекаются те компании, которых там раньше не было. Поэтому связывать рост числа банкротств только с экономическим кризисом я бы не стал.

BG: Как увеличение количества банкротств отражается на бизнесе?

С. П.: Если говорить о банкротстве как о ликвидации бизнеса, то рост их числа, безусловно, вредит бизнесу, нарушаются производственные и финансовые цепочки, что негативно сказывается на экономике. В то же время рост банкротств, связанный с обелением процедур ликвидации компаний, — это положительный момент, сокращающий число незаконных схем вывода активов и обмана кредиторов.

BG: Несмотря на увеличение количества банкротных процедур, доля возвратов денежных средств все равно остается низкой, что приводит к увеличению числа заявлений о привлечении контролируемых лиц к субсидиарной ответственности.

Есть ли какие-то особенности в подобных процедурах?

С. П.: Еще несколько лет назад к субсидиарной ответственности привлекали редко и в основном директоров или в крайнем случае мажоритарных акционеров, указанных в ЕГРН. Сейчас законодатель и судебная практика расширили круг лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, появилось понятие «контролирующие должника лица» — фактически это конечные бенефициары бизнеса. В делах, которые мы ведем, вопрос установления конечного бенефициара становится значительной частью судебного процесса, поскольку конечный бенефициар прячется за длинной цепочкой различных лиц и напрямую в бизнесе не фигурирует. Сложным также представляется и установление в судебном процессе времени, когда организация фактически стала банкротом.

BG: В конце прошлого года Верховный суд разрешил привлекать к субсидиарной ответственности даже наследников должника. К чему может привести такая позиция ВС?

С. П.: Я не думаю, что это сильно повлияет на общую ситуацию. Количество случаев, где лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, умирает, оставляя при этом огромное количество активов, которые делятся между родственниками, чрезвычайно мало. Отдельно, с моей точки зрения, можно лишь отметить дела, когда требования к субсидиарной ответственности предъявляются после смерти наследо-

дателя. Бывают случаи, когда со стороны сделка кажется убыточной, но на самом деле в тот момент она была необходима компании. Например, убыточный контракт был заключен для того, чтобы получить новый и выгодный, а компании были нужны оборотные деньги. Или когда предприятие закупает товар по цене выше рыночной, потому что не получив его вовсе, оно может сорвать важные для нее сроки. Прийти в суд и дать такие финансовые расклады может только человек, находящийся внутри такой системы. И когда он умирает, его родственники в 99% подобной информацией просто не обладают.

BG: При банкротстве доля возвратов остается низкой, а оздоровления компании все равно не происходит. Получается, смысл процедуры теряется. Если такие ситуации встречаются действительно часто, можно ли их как-то изменить на более высоком уровне?

С. П.: Сегодня многие говорят о том, что законодательство о банкротстве у нас кредиторское и фактически ликвидационное. Закон максимально направлен на защиту интересов кредиторов и подходит для того, чтобы быстрее распродать все активы и закрыть предприятие. Это связано с тем, что ключевыми лоббистами законодательства о банкротстве являются крупные банки и налоговые органы. И те, и другие в большинстве случаев выступают именно в роли кредиторов и редко бывают заинтересованы в сохранении бизнеса.

Нам кажется, что законодательное закрепление новой реабилитационной процедуры в делах о банкротстве необходимо, однако говорить о таких перспективах нужно осторожно, поскольку есть шанс, что использовать ее могут в корыстных целях и со злоупотреблениями.

BG: Каких тенденций в сфере банкротства юридических лиц можно ожидать в 2020 году?

С. П.: Одно из главных ожиданий — принятие всех тех законопроектов, которые касаются банкротной процедуры и находятся сейчас на рассмотрении в Государственной думе. Особенно ожидаемым является законопроект об усовершенствовании института арбитражных управляющих и введение новых реабилитационных процедур в банкротства. Актуальным останется вопрос субординирования требований аффилированных контролируемых лиц. Сейчас суд обыгрывает ситуацию с аффилированным займом каждый раз по-разному. Такая практика должна измениться после выхода обзора Верховного суда, которого мы ожидаем.

Помимо этого, сильной остается тенденция к усилению налоговых органов. В этом виден основной посыл государства, связанный с ужесточением контроля за налогами, что проявляется также в изменениях в Уголовном и Налоговом кодексах. Даже субсидиарную ответственность можно назвать правкой, внесенной под воздействием ФНС. ■